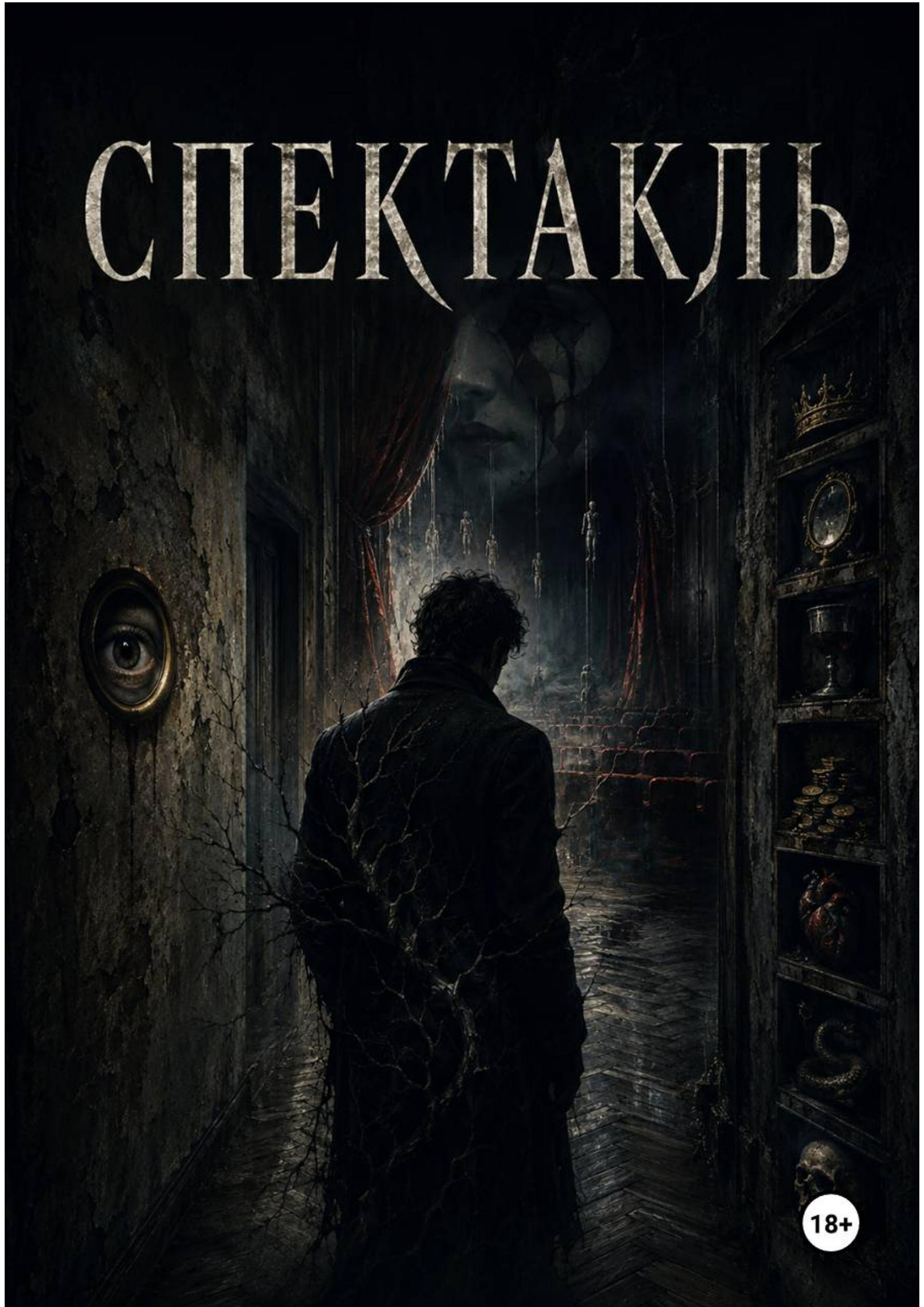

СПЕКТАКЛЪ

18+

Александр Оним
Спектакль

«Автор»

2026

Оним А.

Спектакль / А. Оним — «Автор», 2026

Максим Ульянов просыпается в собственной квартире и понимает, что дверь исчезла. Затем пропадают окна, связь с внешним миром обрывается, а привычное жильё превращается в ловушку, где кто-то уже назначил ему роль. Максим становится участником мистического «спектакля», проходя через кошмарные воплощения человеческих грехов: гнев, алчность, чревоугодие, зависть, похоть, гордыню и уныние. Каждое испытание обещает шанс выжить, но на деле всё глубже втягивает его в механизм, из которого нет выхода. Частный детектив Виктор Сотников берётся за дело исчезнувшего человека и вскоре понимает: дневники, улики и старые трагедии складываются не в расследование, а в маршрут, ведущий его к собственной роли.

© Оним А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Оним Спектакль

СПЕКТАКЛЬ

ГЛАВА 1

Дневник Максима Ульянова (16 октября 2012 года)

Сегодня у меня был выходной. Проснулся около девяти — позже обычного. Снилось что-то странное, но память упрямо не давала даже обрывков сновидения. Только ощущение — тесноты, как будто лежал в каменном саркофаге...

Поначалу утро шло нормально. Завтрак, душ, уборка — повседневность и рутина. Решил разобрать кладовку. Нашёл старые книги, инструменты, армейскую флягу — давно думал, что потерял её. Пока вытирал пыль, заметил: в прихожей стала чуть дальше стена. Как будто коридор вытянулся. Показалось, наверное. Углы искажались от света; думал — просто глаза устают.

Но потом началось странное.

Где-то к двум часам дня, я собрался сходить в магазин за продуктами. Подошёл к двери — и замер как вкопанный. На месте дверной ручки была гладкая деревянная панель. Ни замка, ни защёлки, ни даже следов — словно её никогда и не было. Я застыл от осознания абсурдности происходящего. В попытке вспомнить вчерашний вечер, рука рефлекторно повторяла движение поворота защёлки замка. Нет. Я точно запираю её на ночь. Определённо ещё вчера всё было на месте.

Потрогал рукой — дерево, ровное, без швов. Стало холодно. Как будто в квартире убавили температуру. Вернулся на кухню, сел, попытался рационализировать: галлюцинация, перегрузка, сон. Достал из шкафа аптечку, давление и пульс — всё в норме. Паники нет. Но в голове, как бой набата, только одно: ты не выйдешь.

Через полчаса снова подошёл к двери — дверная коробка и сама дверь слились воедино. У меня на глазах дверь стала растворяться словно капля акварели в стакане с водой. На её месте осталась только стена, на которой мерцал холодным блеском стекла, дверной глазок. Я посмотрел в него — снаружи была моя лестничная площадка. Дверь соседской квартиры, старая лампочка, бетонная лестница. Всё как всегда. Но отделяло меня от этого мира уже не дверь — а стена.

Я стал ощупывать стены в попытке отыскать хоть намек на бывшую здесь ещё несколько минут назад дверь — безрезультатно. За обоями осязалась сплошная кирпичная кладка.

С тех пор не отходил далеко от прихожей. Периодически смотрел в глазок. Там всё так же. Но никто не проходит. Ни один сосед. Как если бы изображение поставили на паузу.

Я бросился к окнам, в надежде найти спасение там, одёрнул шторы. И с трудом сдержал крик отчаяния — окна исчезли. Сплошная стена, как будто здесь никогда и не было окон. От бессильной злобы я ударил кулаком о стену — ничего, лишь глухой стук.

Сейчас — ночь. Я решил записать произошедшее. Схожу ли я с ума или всё это происходит со мной на самом деле?

Завтра попытаюсь проломить стену. Если смогу. А сейчас я слишком устал, чтобы бороться со сном.

Личные записи Виктора Сотникова (16 ноября 2012 года)

К делу подключился — через месяц после того, как Максим Ульянов перестал выходить на связь. Его младшая сестра, Полина Ульянова, с которой он, судя по переписке, общался не часто, примерно раз или два в месяц, забеспокоилась. Он не отвечал ни на звонки, ни на сообщения, и не появлялся на работе. Классическая подводка для стандартного бытового розыска. Но что-то в её голосе зацепило — то ли слишком тихая просьба, то ли пауза перед словом исчез.

Максим — медик по образованию. Служил. Голова на плечах. Без вредных привычек, со стабильной жизнью и железной дисциплиной. Не тот тип, что уходит в запой или сбегает в Индию искать смысл жизни.

Дом — обычный, типовая пятиэтажка. Этаж четвёртый. У двери меня уже ждала Полина. Я обратил внимание на то, что на дверном замке не было следов взлома. Как будто бы заперта на ключ.

Вскоре подоспел участковый. Сестра настояла на заявлении в полицию, хотя особой надежды на неё не было. Дверь взломали.

Внутри — порядок. Абсолютный. Даже слишком. Не было даже пыли, как если бы квартиру оставили только вчера, перед этим проведя генеральную уборку.

Никаких следов борьбы. Никаких признаков, что человек собирался уйти. Паспорт на месте. Бумажник. Телефон.

Телевизор включен в розетку. Чайник — заполнен наполовину.

Ванна — сухая. Зеркало — идеально чистое.

На кухне нашёл тетрадь. В ящике у плиты. Не спрятан, а как будто оставлен специально. Обложка старая, тёмно-синяя.

На первом развороте, фраза: «Полина, если ты это читаешь — не оставайся одна в этой квартире, меня, скорее всего, уже не спасти».

Страницы исписаны плотным почерком. Логично, без истерики. Психика крепкая.

Он вёл дневник. Дата шестнадцатое октября. Последняя запись закончена так, будто он просто пошёл спать. Ни прощаний, ни фраз в духе «они идут». Остальные страницы вырваны.

Но дальше начинается то, что выбивает меня из привычной логики.

Соседи не помнят его.

Вообще.

Соседка снизу утверждает, что его квартира всегда пустовала. Сосед через стену — пенсионер, говорит, что не слышал ни шагов, ни звуков. Хлопанья входной двери. И любых признаков, подтверждающих заселенность жилья.

Участковый, прослужил в этом районе двенадцать лет — но уверяет, что имя "Ульянов Максим" впервые услышал от Полины.

Полина показала мне фото.

Мужчина. Суровый взгляд. Спортивный.

Я не суеверный, но... даже фото было странным. Чёрно-белым. Хотя сделано якобы в этом году.

Квартира опечатана. Следствие стоит на месте. Пропавших без следа в этом городе хватает, но так — чтобы человек исчез изнутри замкнутого пространства, из своего быта, оставив за собой только дневник — такое даже я видел не часто.

Позже я возвращался. Чтобы избежать посторонних глаз. И не зря. Проверив вентиляцию на кухне, я обнаружил спрятанные листы дневника Максима, датированные 18 октября 2012 года.

ГЛАВА 2

Дневник Максима Ульянова (18 октября 2012 года)

Проснулся резко, — как будто кто-то вырвал меня из объятий сна. Было очень тихо. Воздух в квартире замер. Я задышался от давящей тишины.

Встал, прошёлся по квартире — ни звука, ни скрипа. Окна всё ещё отсутствуют. Вместо них — ровная, глухая стена.

Я не стал завтракать. Есть не хотелось. Я даже не был уверен, что голоден. В груди — сухая пустота.

Оделся. Нашёл в кладовке старый молоток. Сталь со следами ржавчины, деревянная ручка, замотанная изолентой. Сжал в руке, оценил вес.

Подошёл к тому месту, где должна была быть дверь.

Перед тем как ударить, я посмотрел в глазок. Хотелось убедиться, что снаружи всё ещё мой дом, моя лестничная площадка. Хотел снова увидеть знакомую облупленную дверь соседей и дурацкий коврик с надписью: «Добро пожаловать».

Но я этого не увидел.

Снаружи был другой коридор — длинный, узкий, освещённый редкими лампами, которые тускло мигали под потолком. Линолеум на полу — старый, грязный, местами залитый чем-то бурым. Цвет стен, когда-то пытавшийся быть зелёным, теперь выцветший до оттенка гнили.

Для праздного обывателя, без разъяснений стало бы ясно, что подобный дизайн свойственен городским больницам и поликлиникам времён Совка. Это и была больница. Или скорее то, что от неё осталось.

По правую сторону на боку валялась кресло-каталка, покрытая ржавчиной. Одно из колёс отвалилось и лежало рядом.

Из-за плохого освещения я не сразу увидел, что в нескольких метрах, в отдалении, стояла фигура. В смирительной рубашке. Спиной ко мне, на которой виднелись стянутые ремни. И исступлённо билась головой о стену.

Каждое движение отдавалось глухим и влажным чавканьем. Монотонно, ритмично. Удар за ударом. Словно поддаваясь какому-то дьявольскому ритму.

Голова ударялась о стену, оставляя тёмные следы. Я не мог отвести взгляд. Просто стоял и смотрел, замирая, как будто кто-то прижал мой затылок к дверному глазку.

Я всего лишь моргнул. А когда открыл глаза — передо мной уже было лицо, по ту сторону глазка. Изодранное в кровавое нечто. Кожа лоскутами свисала со щек и лба.

Горящие глаза — переполненные безумной злобой. Они смотрели в меня.

От губ ничего не осталось. Только череп, скалящийся как ощерившийся хищник. Волосы местами выдраны с плотью, а те, что остались — спутаны и слиплись от крови.

Он дышал в глазок. Словно загнанный. Но стекло не запотевало.

От неожиданности я отпрянул с криком. Рухнул на пол, ударился локтем. Сердце вылетало из груди. Стал отползать в глубь комнаты.

И неожиданно для самого себя я понял — что нахожусь уже не у себя дома.

Пол подо мной — изодранный линолеум. Серый, холодный, липкий.

Я оглянулся — больничная палата. Перевернутая койка с набросанным на неё тряпьем. Надпись на стене «Они смотрят», нанесённая на стену окровавленными ладонями, как немой гимн гротескному искусству.

В выломанном дверном проеме палаты я увидел ту самую больничную каталку. Рядом с которой, как саркастичная издевка над брэнностью всего, валялось отломанное колесо. Лампы под потолком гудят. А воздух... Воздух воняет хлоркой, плесенью и железом крови.

Я внутри. Внутри того, что было за стеной.

В отдалении — шаги. Медленные. Волочащиеся.

От ужаса я забился под больничную койку. Сжимая рукой слишком громкое дыхание. Я молился про себя о спасении. И о чуде! Шаги не остановились напротив моего несущественного убежища, а прошли дальше.

Нужно выбираться. Нужно бежать. Искать выход. Спасаться.

И я рванул, что есть сил. В коридор. Вслепую. Повороты, коридоры, двери — никаких отличий друг от друга. Свет мерцает, как будто издевается: то освещает мой путь, то бросает меня во тьму.

Позади раздался вопль. Нечеловеческий, рвущий внутренности от страха, как ржавый нож.

И это был не крик ужаса. Не зов о помощи. Это был крик ненависти. Чистой, первобытной, звериной.

У меня заложило уши. От страха я вжался в стену. Виски пульсировали от давления. Я сжал рукоятку молотка, который так и не отпустил, который ещё был при мне, сжал с силой от которой побелели костяшки пальцев. До боли.

Я помчался сквозь коридоры, петляя, пока не понял: они замыкаются. Всё ведёт в одно место. Куда бы я ни поворачивал — возвращался в тупик.

Я загнан в угол. Позади — он. Прижавшись к стене спиной, сползаю по ней вниз.

Ближе. Выше, чем казался. Крупнее и крепче меня. Грудь вздымается, будто сдерживает бурю внутри.

Из рассечённой пасти стекает кровь, она падает каплями на пол, с мерзким звуком.

Он приближается, смотрит. На его груди я замечаю надпись 00260613.

И я отчётливо понимаю — это не просто существо, ни тем более просто человек.

Это — суть гнев. Живой. Материальный. Во плоти. Злость первобытного человека.

Он стоит, тяжело дыша. И с каждым выдохом я чувствую, как во мне что-то сдвигается. Пульс срывается. Грудь горит. Руки дрожат.

Больше не боюсь. Режим "бей или беги", перестал им быть. "Бей — бежать больше некуда".

Я почувствовал, как внутри меня вспыхивает то же самое, что и в нём. Ненависть. Озлобленность. Неистовая ярость.

К нему. К себе. К ситуации. Ко всему миру.

Я кричу, что-то невнятное. Вскикиваю. И с молотком в руке, иду на него.

Первый удар — в челюсть. Он не сопротивляется. Только смотрит. Второй — в висок. Третий — в скулу. Четвёртый — он падает. Пятый, шестой — я перестаю считать.

Кровь летит мне в лицо. Куски плоти. Хрустят кости.

Я не могу остановиться. Я наношу удары, как одержимый. В голове всё звенит. Я кричу, срывая голос.

И вот — я замираю. Он лежит. Неподвижный. Но в его глазах — не ненависть. Не страх. Облегчение. Он будто... ждал этого.

И в этот момент всё исчезает. Мир вокруг замирает, растворяется в дымке. Я падаю на пол. Но это уже паркет. Квартира. Моя. Я снова дома. Пол — липкий от крови, стекающей с моих рук.

Молоток — в руке. Весь я — в бурных разводах. Дыхание сбито. Мир — тихий. Тишина нарушается лишь моим прерывистым дыханием.

Что только что произошло? Где я был? Кто это был? И почему — я чувствую, что это не конец?

Я рухнул без сил на пол и провалился в сон... Когда проснулся я весь день писал. Что со мной происходит? Как такое возможно? Кажется, я сошёл с ума.

Запись из личного журнала детектива Виктора Сотникова (18 ноября 2012 года)

Я прочитал найденные мной страницы дневника Максима. От 18 октября — жуткие. По факту — признание в убийстве. Вот и мотив к побегу. У паренька «потекла фляга». В сумасшедшем бреде или в опьянении, забил какого-то мужика. Очнувшись, осознал содеянное и подался в бега. Случилась истерика? Или художественный вымысел? Увы, довольно живо, довольно детально. И главное: последовательность. Всё похоже на бред сумасшедшего или довольно плохая попытка сойти за психа.

Он описал коридоры — больничные, облупленные, затхлые. Разломанную каталку. Выцветшие стены. Запах хлора. Всё это натолкнуло меня на мысль о поиске заброшенных клиник в черте города и близлежащих окраинах. Возможное место преступления.

Сегодня утром я обратился к старым архивам. Советский генплан, карта учреждений, списанные объекты. И нашёл — Психоневрологический диспансер № 3. Построен в 1962 году, закрыт в 1990 после внутреннего расследования по факту нескольких гибелей пациентов. Расположен на северной окраине города — у леса, в отдалении от человеческих глаз. Отметок на нынешних картах его нет.

Я поехал туда. Других зацепок у меня не было.

Здание встретило меня тишиной и тенью. Стекла в окнах — выбиты. Фасад — облупленный, израненный временем. Надпись на облупленной табличке гласила: «Психоневрологический диспансер № 3». Обитель тишины.

Внутри — почти пусто. Мусор, остатки мебели и медицинского оборудования.

Но то, что описывал Максим — было тут. Элементы. Один в один. Я шел по коридорам — и будто двигался внутри его слов. В одной из палат — именно той, где, судя по дневнику, он «очнулся» — я нашёл следы. Свежие. Пыль стёрта в некоторых местах. Пятна — тёмные, бурые. На стене — мазки ладонями, «Они смотрят». Под койкой нашёл несколько оторванных страниц.

Датированы 19 октября. Почерк четкий и ровный. Я бы сказал, несвойственный медикам. Сверив с теми страницами, что были у меня, удостоверился, что он аналогичен тому, который был в основном дневнике.

Но это не всё.

В подвале, за обвалившейся плитой, я наткнулся на архив. Медицинские карты, часть сожжена, часть отсырела. Но один файл сохранился лучше остальных.

Пациент № 00260613

Тарасов Аркадий Степанович.

Поступление: 1987 год.

Диагноз: тяжёлое диссоциативное расстройство с выраженной персонификацией аффекта.

Поведенческий профиль: непредсказуемая агрессия, возникающая без видимой причины. Аномальные поведенческие реакции на окружающих. Стремление к саморазрушению.

Врач-психиатр писал в последней записи:

«Я не верю больше, что это болезнь. Его ярость — не реакция. Это сущность. Отдельная. Она живёт в нём, но питается всеми нами. Пациенты дерутся, медсёстры в слезах, я сам боюсь, что однажды задущу Аркадия не от страха, а от желания. Эта... тень, что в нём — она больше, чем человек. Если она вырвется...»

Последняя запись — май 1990 года.

С тех пор здание опустело. Никто больше не входил в его двери.

Оно было официально закрыто — виной всему признали преступную халатность, стоившую жизни. Имени Тарасова в списках погибших не оказалось. Как, впрочем, и в последующих архивах.

Будто сама система поспешила забыть его существование.

Я вышел из здания только к ночи. Других следов пребывания, разыскиваемого не было. В том числе следов описанного насилия.

Сжимая в кармане найденные страницы, я ощущал одно — мы имеем дело не с психозом. И даже не с манией.

Максим был здесь. И он знал то, что когда-то здесь находился Тарасов. Об этом говорят подброшенные листы. И «удобно» сохранившаяся карта пациента.

Нужно скорее прочитать найденные страницы.

ГЛАВА 3

Дневник Максима Ульянова (19 октября 2012 года)

Сегодня я окончательно уверился в том, что обезумел. Утром, проснувшись, собрался пойти умыться, чтобы создать хотя бы видимость нормальности в сложившейся ситуации. Проходя мимо зала, сначала мельком, боковым зрением, заметил какое-то движение. Обернулся. На моем кресле сидело существо. Именно «существо». Хотя на первый взгляд будто бы и человек, однако, при более внимательном осмотре в глаза бросается весь сюрреализм этого существа. При относительно невысоком росте, сантиметров около 160, фигура была поражена поразительной худобой. Руки, как и ноги будто палки на шарнирах. На тощих плечах сидела вытянутая голова. Вытянутый подбородок, заострённые уши, нос как некая карикатура на человеческий, увенчанный «бабушкиными очками» в круглой оправе. Глаза маленькие — звериные, в которых не было белков — сплошная чернота. Брови неестественно выпирают вперёд. Венчают эту голову черные как смоль волосы, зализанные назад. Смехотворности добавляла поза «незваного гостя», нога на ногу, в руках блокнот и карандаш. Одет он был в медицинский халат.

Не став дожидаться пока существо накинется на меня, я бросился к молотку, который был оставлен мной на журнальном столике ещё вчера. Прыжками-шагами я подскочил к нему и замахнулся для удара... Он исчез.

— Ну, ну... Не вежливо с вашей стороны, молодой человек, так встречать того, кто хочет вам помочь!

Я обернулся. Эта тварь, заведя руки за спину, расхаживал из стороны в сторону неподалеку от меня. Не достану гада. Подумалось мне.

— Максим, присядьте, нам есть, что обсудить.

С опаской, ожидая подвоха, я решил пока его послушаться. По крайней мере до тех пор, пока мне не представится возможность забить ему в череп «прозрачный гвоздь». Я присел на диван. Этот «помощник» уже находился в прежней позе, на прежнем месте.

— У меня не так много времени, поэтому постараюсь быть краток.

— Ты кто, чёрт тебя побери такой?! — Не выдержал я.

— Я? А какое это имеет значение? Допустим сейчас я твой психоаналитик. Как мне показалось у тебя последние дни, проблемы с контролем гнева...

— Слышь, аналитик! Мне помощь твоя не нужна, от слова совсем! Какого здесь происходит!? Почему я замурован!? Что это позавчера был за придурок?!

Всё то время что я кричал, он царапал, что-то в своей записной книжке. Ноль реакции на мои крики, как будто меня здесь и нет.

— Ты закончил? Славно! Можно было и без истерик. Я отвечу на все твои вопросы. Для этого я, собственно, и здесь. Происходит здесь, что-то вроде крысиных бегов. «Крыса» я надеюсь ты уже понял кто. Замурован ты, и это очевидно, для того чтобы наша «крыска», бежала туда, куда нужно — прямоком к финишу. «Придурок», как ты смел выразиться это — «кошка». И на сегодня, пожалуй, хватит вопросов. Скажу ещё кое-что...авансом. Жди, когда начнется следующий этап.

Он исчез. Ровно так же, как и появился. Был и растворился словно дымка.

Бега? «Крыса»? «Кошка?»

Вопросов стало только больше.

Ничего не изменилось. По-прежнему, заперт. Место, которое я считал своей крепостью, превратилось в тюрьму.

Оставшийся день не принёс ничего. Только тишина. Ни шума улицы. Ничего. Сейчас я был бы рад, даже слышать шум работающего перфоратора за стеной. Просто, чтобы ощутить,

что на этом свете я остался не один... Полина, если всё-таки ты нашла мой дневник... Прости меня. Нужно было уделять тебе больше времени. Ведь после смерти родителей, ты единственная семья, что у меня есть.

Фонограмма с записью голоса Виктора Сотникова (пометка 23 ноября 2012)

(на общем плане громкое тиканье часов)

(голос раздраженный, усталый, лающий)

— Тупик. (тик-так, тик-так, тик-так)

— В дневнике нет ничего, что могло бы натолкнуть меня на следующий шаг.

(тик-так, тик-так, тик-так, звук чирканья спичек, шорох прикуриваемой сигареты, глубокая затяжка, выдох)

— Ничего... Кроме описания диалога с каким-то «Петрушкой».

(тик-так, тик-так, тик-так)

— Есть странность. Страницы дневника были найдены мной в заброшенной больнице. Однако ни одного упоминания о том, что Ульянов туда возвращался. Создается впечатление, что их туда подбросили намеренно.

(тик-так, тик-так, тик-так)

— Намеренно, чтобы я их нашел... Как по мне, кто-то играет со мной в игры.

(тик-так, тик-так, тик-так)

— Я пробил через старые связи, этого Макса... Приводов нет, не привлекался, замечен в тёмных делах не был. Никаких дополнительных сведений. Фамилия... Имя... Отчество... Дата и место рождения, прописка... Серия и номер паспорта...

(тик-так, тик-так, тик-так, звук открываемой бутылки, звон стекла, шум льющейся жидкости)

— Нужно проверить его место работы. Узнать о его поведении в последние дни перед исчезновением. Ещё раз опросить сестру...

(тик-так, тик-так, тик-так, звук бьющегося стекла и россыпи металлических предметов)

— Чёртовы часы!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.